

Февраль 1943-го: „Гитлер капут!“

РАЙОН наш (и хутор Красный Крым – тоже), как известно, дважды подвергался оккупации. Первая – осенью 1941 года – продолжалась недолго: какие-то 7-8 дней. Тогда немцы ничего особого с мирными жителями сотворить не успели.

Во второй раз оккупанты пришли в наш хутор 22 июля 1942 года. Хотя я была тогда и подростком, но многое помню. Заняв населенный пункт, фашисты через несколько дней заставили нас, подростков, собирать на полях неубранный урожай овощей, помидоров в том числе. А чтобы мы вдруг не съели один-два плода, заставляли во время работы петь “Катюшу”. Эта песня им почему-то нравилась. Они даже на губных гармошках мелодию исполняли. Тем же, кто не пел, угрожали пистолетами: “Пух! Пух!” – яснее любых слов.

Вообще-то во время оккупации атмосфера среди населения была тяжелой. Люди словно ра-

зучились шутить, смеяться, общаться друг с другом. Ходили какие-то озабоченные, хмурые, лишнего слова не говорили. И то за неосторожное выражение можно было дорого поплатиться.

И вот в январе, во второй половине месяца до нас начали доноситься смутные слухи о каком-то большом поражении немцев. Мы это видели и по их поведению – они стали менее наглыми и жестокими, более озабоченными. Тогда во многих домах стояли немецкие солдаты, были они и у нас – танкисты. И вот однажды во двор заезжает подвода, на ней – плотно упакованные ящики. Возница не справился с конем, неловко развернул подводу и разбил стекло в окне. Мы ему указали: как без стекла, мороз ведь, холодно. Он что-то залопотал по-своему, слышались слова “панцер”, “танк”. Мы так поняли, что он – танкист, танком хорошо управляет, а с лошастью – не очень.

Самое же интересное было в том, что в этих ящиках находились печенье, консервы, шоколад, спир-

тное. Немцы начали пить-закусывать и что удивительно – жестами нам показывали – мол, тоже ешьте. При этом говорили по-своему и часто-часто употребляли слово “Паулос”. Тогда я ничего не разобрала, потом уже, когда подросла, поняла, что они справляли поминки по фельдмаршалу Паулюсу и окруженной под Сталинградом 330-тысячной группе войск. Ведь в Германии по этому случаю 3-дневный траур был. И что еще примечательно – тогда же, в конце января 1943 года мы впервые услышали слова “Гитлер капут!”

С поражением под Сталинградом дух немецкой армии упал. Она потихоньку начала разлагаться. Вот пример. В те дни как-то приехала в хутор группа немецких офицеров. Видать, начальство, потому что были на легковых автомобилях “Опель”. Остались переночевать. Ночью же через хутор проезжала другая группа, тоже на машинах. Немцы смотрят – стоит “Опель”, охраны нет, так сняли колесо, запаску с

легковушки и уехали. Украсили, короче говоря.

Но утром дело приняло нешуточный оборот: ночевавшие офицеры заподозрили соседского мальчика Дзарука (Восканяна Дзарука Лусегеновича) в краже колеса, схватили его и снова пистолеты наставили – “Пух!”, где, мол колесо? Да на счастье был сосед, пожилой уже Мкртич Баян. Он еще в первую мировую воевал, в германском плену был, по-ихнему понимал и говорил сносно. Он-то спокойно объяснил, что мальчик ни при чем, а колесо украли проезжие немецкие солдаты.

Тогда Дзарука отпустили, но мальчик с перепугу еще недели две прятался в землянке, в поле, пока наши не пришли.

Другой пример разложения немецкой армии – это отношение фашистов к своим союзникам – румынам. Даже в такой мелочи, как еда. Себе немцы брали все лучшее, а румынам на жестянке кукурузу жарили. То же с одеждой, обмундированием: себе – лучшее, “союзникам” – обноски.

В начале февраля уже

стало ясно, что наши близко. Тогда-то мы по гулу моторов отличали наши самолеты от немецких. Однажды слышим гул явно наших истребителей. А вскоре и увидели их – летели они так низко, что были видны красные звезды. А тут немецкий самолет-разведчик (“рама”) появился. Наши самолеты взяли его в “клещи” и погнали в сторону Султан Салов, через минуту-другую послышался глухой взрыв – сбили, значит, фашиста.

А сами немцы начали группами, большими и маленькими, уходить. Причем, в каком-то беспорядке. Поставили, было, зенитные орудия, но так и не воспользовались. Протянули линию связи – тоже бесполезно, забрали все и уехали.

Но, видать, напоследок получили приказ: все важное – сжечь. Подъехали к зданию школы (она тогда не работала, служила хранилищем зерна и подсолнечника). Облили керосином и снаружи, и изнутри, и подожгли.

Не один день горела школа, а люди потушить не могли, немцы их отгоняли. Кстати, фашисты заодно сожгли и домик Сатеник Амбарцумовны Хаишбашян. Чем он им не приглянулся – непонятно, но сожгли с немецкой педантичностью.

И вот настало время, которого мы с нетерпением ждали – 16 февраля пришли наши. С волнением и слезами на глазах мы всматривались в их незнакомые, но до боли родные лица. И радовались не только своему освобождению, но и виду нашей армии – добротное обмундирование и обувь, хорошее оружие. Командиры – в полушубках, солдаты – в белых маскхалатах с автоматами. Правда, усталые, но понятно – бои ведь идут. Ну, командиры первым делом спрашивают: где здесь немцы. Мы отвечаем – ушли, мол. И все равно – приказ осмотреть сараи, амбары, другие здания, лесопосадки и т. п. – не спрятались ли где враги.

Встречали освободителей, как водится, хлебом-солью, а точнее, женщины угощали наших воинов молоком, сметаной, творогом – отдавали все лучшее, что имели. И спрашивали – а не вернутся ли немцы обратно? И в ответ слышали – “Нет. Занимайтесь спокойно своими делами, а мы пойдем дальше на Запад, оккупантов бить. Скоро Гитлеру полный капут будет”.

В. ГАДАРЯН,
х. Красный Крым.